

Firbas, Jan

Замечание о роли темпоральных и модальных указателей личной формы глагола в актуальном членении

In: *Otázky slovanské syntaxe. III, Sborník symposia "Modální výstavba výpovědi v slovanských jazycích"*, Brno 27.-30. září 1971. Vyd. 1. Brno: Universita J.E. Purkyně, 1973, pp. 135-140

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/120840>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ЗАМЕЧАНИЕ О РОЛИ ТЕМПОРАЛЬНЫХ И МОДАЛЬНЫХ УКАЗАТЕЛЕЙ ЛИЧНОЙ ФОРМЫ ГЛАГОЛА В АКТУАЛЬНОМ ЧЛЕНЕНИИ

В своей заметке автор желал бы, с точки зрения теории об актуальном членении (= АЧ) (функциональной перспективе), очень сжато резюмировать — а в некоторых случаях уточнить и дополнить — свои наблюдения о функциях, которые в коммуникативном акте выполняют темпоральные и модальные указатели личной формы глагола (= ТМУ).¹ Как и Б. Трика² автор понимает под такими указателями все формальные средства, при помощи которых личная форма глагола выражает темпоральную и модальную характеристику: к таким средствам, следовательно, принадлежат вспомогательные слова, аффиксы и внутриморфемные средства, как например изменение согласной основы.

Наши наблюдения касались главным образом английского глагола; однако, мы убеждены, то же можно отнести и к чешскому, и вообще к славянскому глаголу. С грамматической точки зрения ТМУ исполняют внутри структуры предложения основную роль носителей предикативных категорий. В акте коммуникации они являются важнейшим средством, при помощи которого структура предложения как языковое событие соотносится с событием внеязыковым. ТМУ выражают указанные характеристики и поэтому они участвуют в развертывании высказывания на уровне АЧ и обязательно обладают определенной мерой коммуникативного динамизма. Что касается этой меры, то ТМУ не выражают при немаркированном использовании важнейшую контекстно несвязанную информацию с одной стороны, и не являются вполне контекстно связанными с другой стороны. Т. е., они не обладают ни самой важной, ни наиболее низкой степенью коммуникативного динамизма. Они контекстно не связаны в том смысле, что соотнесение языкового события с событием внеязыковым, это — акт *suū generis*, и поэтому, при нормальных обстоятельствах для каждого высказывания является актом новым. По отношению к важнейшим контекстно несвязанным компонентам, ТМУ функционируют только в качестве сопровождающих элементов.

Автор, в сущности, согласен с И. П. Распоповым, считающим ТМУ соединяющим звеном между основой (темой) и ядром (ремой).³ Далее автор

¹ См. главным образом *A Note on Transition Proper in Functional Sentence Analysis*, *Philologica Pragensia* 8, 1965, 170—176; *On the Prosodic Features of the Modern English Finite Verb as Means of Functional Sentence Perspective (More Thoughts on Transition Proper)*, *Brno Studies in English* 7, 1968, 11—48.

² См. Б. Трика, *Some Thoughts on Structural Morphology*, *Charisteria Guilelmo Mathesio ... oblata*, Прага 1932, 55—61, особенно 58; перепечатано в *A Prague School Reader*, под ред. И. Вахека, Bloomington 1964, 329—334, особенно 330.

³ И. П. Распопов, *Актуальное членение предложения*, Уфа 1961, особенно 36. Более подробное изложение нашей точки зрения к выводам И. П. Распопова см. в статье *A Note ...* (цит. здесь в примечании 1).

согласен с П. Адамцем и Фр. Данешем в том, что новой, следовательно, контекстно несвязанной является в высказывании не только рематическая информация, но и само сочетание, которое относит эту информацию к информации, содержащейся в теме;⁴ т. е. новым, контекстно несвязанным является также и само отношение, в которое вступают тематическая и рематическая информации. Мы считаем, что ТМУ выражают указанные темпоральные и модальные характеристики и этим выражают новое контекстно несвязанное отношение. Именно поэтому с точки зрения развертывания высказывания они на основе подготовленной тематическими компонентами начинают создавать собственную информацию, передачу которой высказывание должно осуществить. (Элементы, образующие основание [основу], притом, конечно, не должны быть связаны с началом высказывания.) ТМУ таким образом выполняют в высказывании функцию собственно перехода (транзита). Они являются переходом *par excellence*.

Мы хотели бы подчеркнуть, что ТМУ выполняют функцию перехода только при немаркированном использовании. В этом смысле мы модифицируем решение Распопова. В так называемой второй инстанции, где речь идет несомненно о маркированной ситуации, ТМУ функцию перехода не выполняют. (Мы считаем, что настоящая⁵ вторая инстанция имеет место в высказывании, которое функционирует в явном и резком контрасте вызванном только одним семантическим признаком [компонентом значения] высказывания.) Высказывания, в которых ни один компонент не стал носителем явного и резкого контраста, образуют первую инстанцию. Во второй инстанции ТМУ становятся из-за одного из своих семантических признаков или носителями собственно ядра (*Tatínek pracuje⁶ večer doma, Father does work at home in the evening*) или же компонентом — иногда обширной собственной основы (*Tatínek pracuje večer doma, Father works at home in the evening*). В настоящей второй инстанции нельзя говорить о переходе.

В сущности ТМУ исполняют указанную роль и в вопросительных предложениях. Однако при сопоставлении с предложениями повествовательными, ТМУ в вопросительных предложениях проявляют высшую степень коммуникативного динамизма. Это объясняется тем, что в вопросительных предложениях, а именно в замкнутых вопросах, ТМУ, более действенно чем в местоименных, участвуют в сигнализации известного пробела в знаниях говорящего, как и в его обращении к слушателю, чтобы в соответствующей реплике устранить этот пробел. По сравнению с ТМУ, функционирующими в повествовательных предложениях, ТМУ в вопросительных предложениях выполняют кроме того еще и сигнализирующую функцию. Наряду с этой функцией, вопрос, конечно, выполняет еще и другое задание: он сообщает слушателю данные, в которых имеется пробел, и то, с какой перспективы надо дополнить сообщаемые данные. (*Je tatínek večer doma?*⁷ *Je tatínek*

⁴ Ср. П. Адамец, *Порядок слов в современном русском языке*, Прага 1966, 22—23; Фр. Данеш, *FSP and the Organization of the Text (A preliminary version)*, размножено, Ústav pro jazyk český (Институт чешского языка), для участников конференции об актуальном членении в Марианских Лазнях 12—14 октября 1970 г., 7.

⁵ О настоящей второй инстанции мы говорим потому, чтобы исключить переходные типы.

⁶ Подчеркнутые выражения обозначают носителя явного и резкого контраста.

doma večer? Je večer doma tatínek?) Ядро вопроса устанавливается тогда именно этой перспективой, с которой данные должны быть дополнены. ТМУ и в вопросе, поэтому, в сущности выполняют лишь сопроводительную функцию.

ТМУ могут стать в вопросе собственно ядром только в второй инстанции: *Je tatínek večer doma? Je tatínek doma večer? Je večer doma tatínek? Pracuje doma tatínek?* Единственным семантическим признаком, из-за которого личная форма глагола становится носителем явно выраженного резкого контраста, а благодаря этому и носителем собственно ядра, здесь может быть по контексту например значение „да“ (в противоположение к „нет“), значение „современность“ (в противоположение к другому темпоральному определению), значение „несолагательность“ (в противоположение к „солагательность“). Представляемое решение, учитывающее описанную обоякую функцию вопроса, позволяет объединить функцию носителя ядра с функцией носителя интонационного центра, не только в повествовательных предложениях, но и в предложениях вопросительных, повелительных и различных переходных типах.⁸ Более подробную информацию о функциях ТМУ в вопросах можно найти в нашей статье „О функции вопроса в процессе коммуникации“, которая опубликована в журнале Вопросы языкознания №. 2, 1972.

Исследование второй инстанции объясняет также функцию отрицательной частицы *ne-* в АЧ. Приглагольная частица *ne-* — подобно положительным ТМУ и в действительности каждому другому элементу — функционирует в другой инстанции или как собственно ядро или как составляющая — часто обширной — собственно основы. Так в структуре *Tatínek nepracuje večer doma* финитная личная форма глагола *nepracuje* может стать носителем отчетливого и резкого контраста, и поэтому также носителем собственно ядра или для полярного значения „не-“, или для другого из возможных значений. Это можно сказать напр. о следующих контекстах: *Neříkám, že tatínek doma pracuje, ale že doma nepracuje; neříkám, že tatínek doma nemluví, ale že doma nepracuje; neříkám, že tatínek doma nepracoval, ale že doma nepracuje*. В английском языке можно было бы употребить три разных фонетических варианта: *Father does not work at home; Father does not work at home; Father doesn't work at home*. (Последний вариант можно было бы употребить и в первом случае, но не наоборот.) В приведенных примерах существуют с точки зрения семантической структуры две возможности: (1) полярное значение „не-“ является единственным семантическим признаком выражающим новую информацию, т. е. единственным контекстно-несвязанным признаком; (2) контекстно-несвязанным является другой семантический признак и полярное значение становится частью контекстно-связанной информации. Рассмотрим теперь с той же точки зрения — т. е. с точки зрения семантической структуры — функционирование отрицательной глагольной частицы *ne* в первой инстанции на уровне актуального

⁷ Подчеркнутые выражения обозначают здесь нормального носителя интонационного центра (т. е., не носители явного и резкого контраста).

⁸ Ср. наблюдения И. Бартошека в статье *Výstavba výpovědi s nepredikativními postojo-vými výrazy*, *ČsR* 13/1968, стр. 229—236. Бартошек устанавливает, что непредикативные модальные выражения типа „кажется“ относятся к части высказывания образующей ядро.

членения. Можно сказать, что если она в первой инстанции контекстно не связана, тогда ее семантическое содержание никогда не остается единственным контекстно несвязанным семантическим признаком (компонентом значения) в данном высказывании. Очевидно она принадлежит к ядру высказывания. Однако собственно ядром является тот семантический признак, на который — в соответствии с коммуникативной целью говорящего — направлена перспектива сообщения: *Tatínek večer doma nepracuje, Tatínek nepracuje doma ve čer, Večer doma nepracuje tatínek, Father doesn't work at home in the evening, Father doesn't work at home in the evening* и т. д. Взаимодействие средств АЧ, о котором здесь невозможно говорить подробно, приводит к тому, что признак отрицательности по отношению к семантическому компоненту поставленному в отрицательную перспективу функционирует как рематизатор. Такой семантический компонент потом становится собственно ядром и форма несущая его по этой причине становится носителем интонационного центра. В приведенных чешских примерах в сигнализации отрицательной перспективы участвует как порядок слов, так и интонация; в английских эквивалентах из указанных двух средств в сигнализации участвует лишь интонация.

В заключение — два замечания. Первое исходит из разных возможностей включения в контекст финитной личной формы глагола во второй инстанции. Разные возможности использования, которые мы установили, свидетельствуют о семантической сложности личной формы глагола. Они также подтверждают разнородность личной формы глагола относительно степеней коммуникативного динамизма включая и вторую и первую инстанцию. В связи с этим мы хотим подчеркнуть, что и ТМУ являются семантически комплексными. Такое выразительное поведение для них типично в настоящей второй инстанции, когда они сосредоточивают на себе резкий контраст и поэтому функционируют как собственно рема. Причиной такого функционирования является у них или значение времени или значение модальности, но не все их семантическое содержание (*J sem o tom přesvědčen* может иметь например значение „не говорю, что я в этом был убежден, но что в этом я убежден“, или значение „не говорю, что я был бы в этом убежден, но что я в этом убежден“).

В этой связи несомненно имеет смысл вопрос, не представляются ли ТМУ по отношению к коммуникативному динамизму гетерогенным также и в первой инстанции. Другими словами, можно спросить, не участвуют ли в развертывании высказывания в одинаковой степени темпоральная и модальная характеристика, образующая семантическое содержание ТМУ.⁹ В связи с темпоральной характеристикой может появиться вопрос, не следует ли понимать ТМУ как контекстно связанные в тех отрезках, в которых она повторяется. Модальная характеристика наоборот не обладает такой выразительной тенденцией выступать как контекстно связанная. Она сигнализирует, как говорящий понимает статус высказывания, а также и то, какая роль принадлежит говорящему в высказывании (напр. роль простого информатора, спрашивающего, приказывающего).¹⁰ Поэтому модальная

⁹ За импульс к данной формулировке выражаю свою признательность К. Полаховой. По ее примеру употребляю и термин „транзит“.

¹⁰ Ср. М. А. К. Halliday, *Language Structure and Language Function*, New Horizons in Linguistics, Harmondsworth 1970, 159.

характеристика более выразительно чем темпоральная приводит к тому, что акт соотносящий языковую действительность с внеязыковой становится актом *sui generis*, актом новым, неповторяемым и контекстно несвязанным. В первой инстанции оказывается бесспорно новым, единичным для данного высказывания и вследствие того контекстно несвязанным соединяющее звено между темой и ремой, которое выражено ТМУ. В ее реализации участвует как темпоральная, так и модальная характеристика.

С проблемой разнородности ТМУ относительно коммуникативного динамизма связана и проблема четкости границы между транзитом и темой. ТМУ в первой инстанции способны функционировать как достаточно резкая граница, отделяющая тематическую часть высказывания от нетематической, несмотря на то, что темпоральная характеристика склонна быть контекстно связанной а потому также и включенной в тематическую часть высказывания. (Так как линейное расположение элементов в предложении является только одним из средств АЧ, мы не связываем тематические части высказывания с началом, транзитные с серединой и рематические с концом предложения.) Возможная нечеткость границы не находится, однако, в противоречии с функцией транзита, т. к. транзит является соединяющим звеном, переходом между темой и ремой (здесь мы исходили из мысли Данеша). Соединяющее звено может более или менее оказывать влияние на части, которые оно соединяет. Если принять во внимание полный транзит, в котором ТМУ обычно выступают только в качестве его частей с минимальной мерой коммуникативного динамизма, то для славянского высказывания можно в грубых чертах считать установленным, что граница между темой и транзитом является более четкой чем между транзитом и ремой. ТМУ в большой мере способствуют тому, чтобы достаточно четко обозначать границу между тематической частью, образующей основание, на котором в акте сообщения строится высказывание, и частью нетематической, содержащей собственно сообщение, т. е. сообщение, для которого именно и реализуется высказывание. Тему, следовательно, можно было бы охарактеризовать как часть высказывания, образованную элементами с наиболее низкой динамичностью высказывания, которые функционируют в качестве основания, на котором строится собственно сообщение. Оно начинает строится и достраивается в части нетематической, присоединяемой в первой инстанции к теме посредством ТМУ. Надо еще добавить, что семантическая комплексность личной формы глагола и вытекающая из нее возможная разнородность относящаяся к коммуникативному динамизму соответствует тому, что личная форма глагола в первой инстанции явно склонна функционировать как транзит.¹¹

Во втором замечании мы хотели бы подчеркнуть следующее: если установленные данные характеризующие поведение ТМУ в первой и второй инстанции правильные, тогда они в значительной мере объясняют отноше-

¹¹ О существовании такой тенденции в английском языке свидетельствуют статистические данные в статье *On the Prosodic Features of the Modern English Finite Verb as Means of Functional Sentence Perspective (More Thoughts on Transition Proper)*, Brno Studies in English 7 (цит. здесь в зам. 1). О ее существовании свидетельствуют также результаты приводимые в неопубликованной кандидатской диссертации Л. Углиржовой *Kvantitativní rozbor věty a výpovědi*; см. также ее статью в *Prague Studies in Mathematical Linguistics* 4, 1972, 107—128.

ние между функциями ТМУ на семантическом, грамматическом и АЧ уровнях. Если ТМУ функционируют на уровне АЧ с одинаковым семантико-грамматическим отношением так, что в первой инстанции они в немаркированном употреблении являются собственно транзитом и во второй инстанции и в маркированном употреблении — собственно ремой или частью собственно темы, то для них типична высокая степень согласия их функций на указанных трех уровнях. Кажется, что установленное сходство интересным образом согласуется с центральной позицией ТМУ в грамматической структуре предложения а также и с их главной функцией, которую они выполняют при соотнесении языкового и внеязыкового событий.